

ЛАРИН Эдуард Николаевич,
преподаватель кафедры организации деятельности
подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения
Московский областной филиал Московского ордена Почета
Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского
ордена Почета Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: Eduard101278@mail.ru

БЛАГОРОДНА ЛИ «ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ» ИЛИ КАК СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ПОМОГАЕТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты такого социального явления как ложь, проанализированы мотивы, по которым люди не сообщают полностью или частично весь объем известной им правдивой информации. Оценено влияние лжесвидетельства на установление объективной истины, что является одним из необходимых условий грамотного и качественного уголовного судопроизводства, позволяющих в конечном итоге принять правильное, законное и обоснованное решение по рассмотрению всех обстоятельств произошедшего события; освещены позиции различных исследователей по данной тематике с указанием проблемных аспектов, а также дискуссионных моментов. Отдельно приведены статистические данные, иллюстрирующие анализируемую проблематику; показаны авторские точки зрения на некоторые из рассматриваемых вопросов. Поскольку результат оценки привел к вполне обоснованному выводу о негативном влиянии лжи в уголовном процессе, была исследована возможность воздействия одной из форм реализации конституционных прав участников уголовного судопроизводства, а именно, свидетельского иммунитета, на предотвращение дачи заведомо ложных показаний как в ходе предварительного расследования, так и в судебном заседании. В качестве подтверждающего материала приведены результаты проведенного анкетирования, к участию в котором привлекались граждане, не имеющие прямого отношения к процессуальной деятельности, то есть, не относящиеся в силу профессиональных обязанностей на постоянной основе к одной из сторон уголовного судопроизводства. По итогу обобщения ответов респондентов были сделаны выводы, изложенные в резолютивной части, которые позволяют вывести рекомендации практического прикладного характера и способствуют окончательному подытоживанию положений, изложенных в статье.

Ключевые слова: ложь, деликатность, приемы полуправды, уголовное судопроизводство, установление истины, лжесвидетельство, свидетельский иммунитет, дача заведомо ложных показаний, профилактические меры.

LARIN Eduard Nikolaevich,
Lecturer, Department of Organization of Road Safety Units,
Moscow Regional Branch, Moscow Order of Honor University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Adjunct Professor, Department of Criminal Procedure,
Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot

IS A “SAVING LIE” NOBLE, OR HOW WITNESS IMMUNITY HELPS PREVENT FALSE TESTIMONY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This article examines aspects of the social phenomenon of lying and analyzes the motives for which people withhold truthful information, in whole or in part, from them. It evaluates the impact of perjury

on the establishment of objective truth, which is a necessary condition for competent and high-quality criminal proceedings, ultimately allowing for the adoption of a correct, legal, and reasoned decision on the consideration of all the circumstances of the incident. The article highlights the positions of various researchers on this topic, indicating problematic aspects and controversial points. Statistical data illustrating the analyzed problems are separately provided; the author's points of view on some of the issues under consideration are presented. Since the result of the assessment led to a well-founded conclusion about the negative impact of lying in criminal proceedings, the possibility of the influence of one of the forms of realization of the constitutional rights of participants in criminal proceedings, namely, witness immunity, on the prevention of knowingly giving false testimony both during the preliminary investigation and in court was examined. The supporting material includes the results of a survey conducted among individuals not directly involved in procedural matters, meaning they were not permanently assigned to a party in criminal proceedings due to their professional responsibilities. Based on the respondents' responses, conclusions were drawn, presented in the operative section, which allow for the development of practical recommendations and contribute to the final summary of the provisions set forth in the article.

Key words: *lies, delicacy, half-truth techniques, criminal proceedings, establishing the truth, perjury, witness immunity, knowingly giving false testimony, preventive measures.*

Толкование понятия «ложь» в основном не вызывает у наших соотечественников серьезных разночтений, так как большинство из них понимают его в основных аспектах одинаково. При обращении к толковым словарям мы увидим среди множества трактовок два самых ключевых момента. Первый: любая ложь – это информация, которая не соответствует действительности (истине), при этом не суть важно, является ли данное несоответствие полным или частичным, так как даже отчасти фальсифицированные сведения все равно остаются обманом. Второй момент состоит в том, что при лжи информация искажается сознательно.

Феномен лжи как социального явления неоднократно рассматривался многими исследователями различных областей знаний (не только юридических, но и философских, психологических, педагогических и других). Авторы справедливо замечают, что «ложь – это явление, которое неизменно сопровождает развитие общества с самого начала его становления...» [1, с. 115]. Подавляющая часть ученых сходятся во мнении, что она «давно стала неотъемлемой частью повседневной жизни» [2, с. 409]. Е.В. Никитина в диссертационном исследовании, опираясь на экспериментальные данные, полученные Беллой де Пуало с коллегами, указывает, что «использование лжи присуще каждому индивиду» [3, с. 3], подтверждая свое изречение цитатами таких специалистов в области изучения данного явления, как Д.И. Дубровский и Олдерт Фрай.

В общественном сознании ложь считается пороком, однако практически каждый человек, даже отличающийся хорошим воспитанием, в той или иной степени в общении прибегает ко лжи. К примеру, на известный вопрос, рано или поздно задаваемый ребенком: «Откуда берутся дети?» – едва ли кто отвечает правду в ее чистом виде, и ложь здесь не произносится только в том случае,

если взрослый просто избегает прямого ответа. Также на вопрос, допустим, знакомой женщины: «Как я выгляжу?» – далеко не всегда отвечающий выскажет свою истинную точку зрения на привлекательность собеседницы, зачастую ограничиваясь дежурными фразами.

В подобных случаях человек всегда находит оправдание своим действиям, мотивируя их требованиями тактичности, воспитанности, дипломатичности и т.п. Недаром среди разновидностей лжи выделяются такие понятия, как «белая ложь» (еще именуемая «деликатная» ложь, ложь «хорошего тона»), «ложь во благо» («благородная» ложь, «святая» ложь) и «ложь во спасение». Объединяет эти виды то, что практически во всех социальных формациях они не осуждаются моралью и не являются нарушениями норм права.

При этом условия отнесения высказывания к категории «ложь во благо» или «ложь во спасение» в сознании большинства людей аналогичны критериям, применяемым к описанию состояния крайней необходимости: «причиненный вред должен быть значительно меньше предотвращенного». Однако необходимо понимать, что данная грань очень тонка. И зачастую размеры причиненного и предотвращенного вреда определяются самим лицом, потому оценка их соотношения является субъективной. А как известно, человеку может быть свойственно как преуменьшать, так и преувеличивать что-либо во благо себе, в том числе применяя такую разновидность лжи, как «самообман», то есть, убеждение самого себя в истинности какого-либо суждения, нередко заведомо ложного (называя это «самовнушением»).

Яркими примерами могут служить приемы полуправды, такие, как, например, получившие в современном обществе названия «Джедайская правда» и «Исландская правдивость». Оба данных приема объединяет то, что они основаны на

формально правдивых, но вводящих в заблуждение высказываниях; они работают на манипуляцию информацией через слова, и являются примерами намеренного искажения истины. Вместе с тем, если прочитать их описания в сети Интернет, привлекает внимание утверждение, что они граничат с ложью, но технически не являются ею. И в общественном сознании, по мнению достаточно большого количества людей, человек, использующий подобные приемы, не является лгуном, а, следовательно, не подлежит какой-либо ответственности за сказанное. Соответственно, некоторые граждане при даче показаний считают, что, если они просто умолчали о каком-либо факте (при условии, что им не был задан прямой вопрос), то лжесвидетельства с их стороны не было. Однако даже такая «половинчатая» ложь может помешать одной из наиболее важных целей уголовного судопроизводства – установлению истины.

Не случайно одна из самых известных клятв, произносимых в судах англоязычных стран, знакомая большинству наших соотечественников в основном по зарубежным фильмам, звучит в русском переводе таким образом, что человек обязуется говорить: «...только правду, всю правду и ничего, кроме правды» («...be the truth, the whole truth, and nothing but the truth»). [4, с. 44] Построение данной фразы показывает запрещение со стороны законодателя на пользование как выше-рассмотренными приемами, так и им подобными. Следовательно, говорить следует исключительно правду, всю правду (не умалчивая ни о каких деталях), и не прибавлять никаких субъективных суждений, которые могут повлиять на понимание всех обстоятельств произошедшего. В конечном итоге это необходимо для установления объективной истины.

Соотношение между понятиями «правда» и «истина» рассматривал В.С. Уакиев. Мы полностью согласны с мнением ученого о том, что истина – это «категория логики и теории познания, выражающая соответствие наших знаний о мире самому миру», а правда – это «такая истина, которая получила субъективную оценку...» [5, с. 68-69]. Также мы полностью поддерживаем тезисы автора о том, что правдой для человека будет являться только та истина, которую он сможет воспринять и в которую он сам поверит. Действительно, вряд ли слепой человек сможет удостоверить, соответственно, поверить, что перед ним предмет, например, синего цвета.

В субъективности восприятия произошедших ранее событий автор неоднократно убеждался в ходе практической работы должности дознавателя (старшего дознавателя) территориального отдела полиции города Смоленска в период с 2016 по 2023 г.г. Особенно сильно это

было заметно при оценке разными лицами временных промежутков между какими-либо событиями. И в подобных случаях самым надежным «свидетелем» становились видеозаписи (при условии отсутствия заведомого редактирования), так как с их помощью лучше всего можно было установить истинные временные интервалы, что в конечном итоге помогало восстановлению полной картины произошедшего.

О насущной необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве неоднократно писал В.Н. Григорьев. Согласно его позиции, «Установление обстоятельств дела такими, какими они были в действительности, составляет содержание объективной истины в уголовном процессе» [6]. Справедливость данного утверждения не вызывает у нас никакого сомнения. Ученый упоминает монографию С.А. Шейфера, который обоснованно отмечал: «...стремление уполномоченных органов государства установить обстоятельства исследуемого события такими, какими они были в действительности, сохраняет свое значение как ведущая тенденция доказывания, т.е. его цель» [6]. Также В.Н. Григорьев обращался к трудам Н.С. Алексеева, справедливо отмечая, что один из авторских параграфов профессора называется «Установление истины – цель доказывания» [7], тем самым подтверждая вышеозначенные тезисы о том, что в ходе уголовного судопроизводства необходимо установить не просто «правду», которая может быть для каждого участника «своя», субъективная, но именно «истину», то есть, всю последовательность произошедших событий.

А.В. Победкин в диссертационном исследовании «Показания обвиняемого в уголовном процессе» также указывал: «Установить истину в уголовном процессе означает познать полно, всесторонне и объективно все обстоятельства ... как они имели место в действительности. Достижение объективной истины по делу является целью российского уголовного процесса и одновременно его важнейшим принципом.» [8, с. 17]. Мы полностью согласны с авторской позицией.

Другие авторы тоже указывали установление истины как одну из главных задач уголовного судопроизводства [9, 10], называя при этом ложь одной из форм противодействия достижению указанной цели [10, с. 261].

Ложь в ходе уголовного судопроизводства среди всех рассматриваемых разновидностей данного социального явления получила название «лжесвидетельство». Данное понятие имеет различные определения в толковых словарях. Часть из них отталкиваются от понятия «свидетель», что представляется нам не совсем верным, так как лгать в ходе уголовного судопроизводства могут и лица с другим процессуальным статусом, даже,

как ни странно, такое, казалось бы, заинтересованное в исходе дела лицо, как потерпевший. Мы в рамках исследования остановимся на определении, данном в «Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой» – «ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО, -а, ср. Юр. Преступление, выражающееся в намеренной даче ложных показаний судебными следственными органами» [22].

Вопрос лжесвидетельства в рамках уголовного судопроизводства неоднократно рассматривался исследователями, не только учеными-правоведами, но и практикующими юристами. Специалисты неоднократно отмечали отрицательные последствия данной реалии: и финансовые затраты на работу должностных лиц, вынужденных разоблачать лжесвидетельство с помощью различных, зачастую изначально не нужных, следственных и иных процессуальных действий [11, с. 79]; и не поддающиеся монетизации как моральный ущерб для общества, когда с помощью лжи преступник уходит от ответственности, так и проистекающее из этого падение престижа в глазах общественности всей судебной системы [12]. Тот факт, что данное явление носит негативный характер, был отмечен практически всеми авторами.

Многие деятели науки указывают на либеральность отечественного уголовного законодательства к лжесвидетелям, зачастую сравнивая тяжесть наказания за данное преступление с заграничными нормами [13, с. 286; 14, с. 28], и предлагая соразмерно ввести более суровые меры в российский Уголовный кодекс. Однако в данном вопросе мы более солидарны с точкой зрения И.В. Смольковой, которая, ссылаясь на А.Г. Филиппова, указывает, что «с примерами из зарубежной практики следует быть очень осторожными» [11, с. 80], и предостерегает от необдуманного заимствования иностранного опыта.

Действительно, если даже сравнить содержание аналогичной статьи за заведомо ложные показания, действовавшей в РСФСР, то, очевидно, что она предусматривала гораздо более серьезные санкции, а именно «лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок» [23]. Но надо понимать, что одним только увеличением размера наказания проблему не решить: необходим реально действенный механизм привлечения к ответственности. И пока он не будет четко и уверенно работать, лжесвидетельство будет становиться все более латентным. Подобную мысль высказывал Е.И. Замылин, отмечая, что важнее обеспечить неотвратимость наказания за совершение данного деяния, чем просто ужесточать его [15, с. 119].

Из опыта практической работы автора памятные случаи, когда случаи явной дачи ложных

показаний не заканчивались возбуждением уголовного дела по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), причины тому были различны. Но даже если не ориентироваться на возможные факторы на местах, то цифры статистических данных говорят о ситуации достаточно красноречиво. Так, согласно данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [24], за 2014 год по статье 307 УК РФ (в совокупности по части 1 и части 2) были осуждены 719 человек, за 2015 год – 434, за 2016 год – 599, за 2017 год – 794, за 2018 год – 612, за 2019 год – 482, за 2020 год – 404, за 2021 год – 353, за 2022 год – 313, за 2023 год – 334, за 2024 год – 311. Очевидно неуклонное снижение количественных показателей. Для сравнения: в 2005 году по статье 307 УК РФ (по обеим частям) были осуждены 1 546 человек. То есть, за неполные двадцать лет произошло уменьшение количества осужденных практически в пять раз. При этом общее количество осужденных по всем статьям уменьшилось чуть более чем в полтора раза (с 878 893 человек в 2005 году до 512 845 человек в 2024 году). Вряд ли стоит утешать себя мыслью о том, что участники уголовного судопроизводства стали меньше лгать. Вероятнее всего, причины кроются в других факторах.

О.А. Зайцевым еще в 1993 году было проведено исследование, в ходе которого им были указаны основные причины указанной ситуации: «не работающий» процессуальный порядок возбуждения уголовного преследования и расследования фактов лжесвидетельства; незначительные санкции, предусматривающие ответственность за лжесвидетельство; сложная процедура выявления лжесвидетелей; неудовлетворительно осуществляемое документирование и доказывание данных фактов [16, с. 193]. Мы полностью согласны с данным перечнем, причем он вполне актуален и в нынешней ситуации.

Стоит также отметить мнение Я.В. Малышева, который, не разделяя позиции об ужесточении наказания за дачу заведомо ложных показаний, предлагал предусмотреть иные меры предупреждения лжесвидетельства [17, с. 104]. Мы не будем рассматривать все возможные предлагаемые меры, так как в рамках нашего исследования нам в приоритетном порядке нужно ответить на вопрос о том, действительно ли свидетельский иммунитет будет являться эффективным способом борьбы с рассматриваемым негативным явлением.

Для успешной профилактики лжесвидетельства в рамках уголовного судопроизводства необходимо в первую очередь понимать мотивацию лиц, дающих заведомо ложные показания. Достаточно подробная и на наш взгляд удачная классификация мотивов была предложена К.В.

Подвойским [18, с. 138-139]. В рамках нашего исследования мы остановимся на тех из них, которые касаются свидетельствования против близких родственников – чувство дружбы, любви, жалости или сочувствия к виновному.

Как уже указывалось ранее, людям свойственно измышлять оправдания своим действиям, в том числе и перед самим собой (в последнем случае это сродни самообману). И когда речь идет о свидетельствовании не в пользу родственника или супруга, многие считают извинительным с моральной точки зрения солгать органам расследования. При этом практически все граждане хотя бы примерно знают, что за ложь в ходе допроса предусмотрена ответственность (даже если им не известны требования нормативного акта), но далеко не всех это останавливает. Причины игнорирования наказания различны, в рамках данного исследования мы не будем их разбирать. Важнее для нас будет понимание, какой выбор сделает участник уголовного судопроизводства, если ему будет предложено либо не говорить ничего, либо соврать, «выгораживая» родственника (супруга) или самого себя.

Зачастую принятию решения о применении свидетельского иммунитета в предусмотренных законом случаях препятствует бытующее в общественном сознании мнение о том, что отказ от дачи показаний означает автоматическое признание вины, своей либо того, кого эти показания касаются («молчит – значит, сознается»). По этой причине отдельные люди сообщают в ходе допроса ложные факты, излагают произошедшие события не совсем верно, или, например, создают родственнику несуществующее алиби. Некоторые исследователи, например, Л.М. Карнеева, видели в этом частично положительные моменты, выражающиеся в расширении рамок расследования и обнаружении новых доказательств [19, с.16]. С данной позицией не вполне были согласны В.А. Терехин и В.В. Захаров [20, с. 4], чью точку зрения мы разделяем. Действительно, кроме того, что опровержение данных показаний приводит к расходованию достаточно немалых средств и ресурсов органов, осуществляющих предварительное расследование, также необходимо понимать, что не всегда ложные показания удастся опровергнуть по объективным причинам. Итогом может стать избежание виновным лицом полагающейся ответственности, что еще более снижает авторитет судебных и следственных органов и уровень доверия граждан к ним.

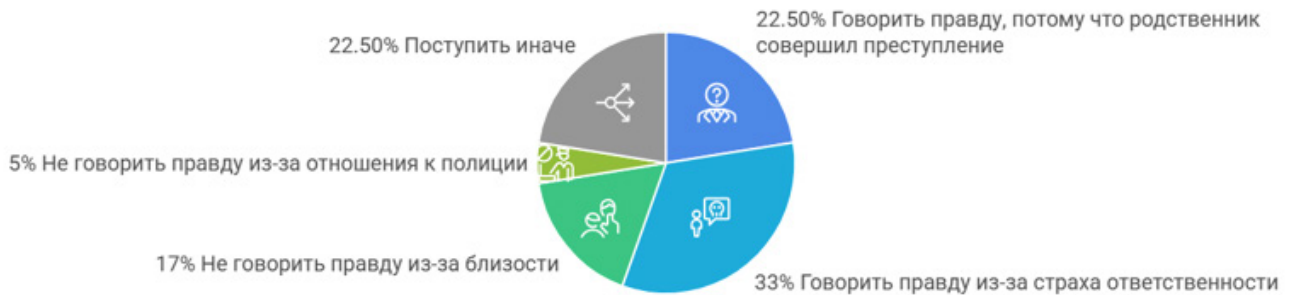
На самом деле Верховный суд РФ достаточно давно выразил свое отношение к молчанию

в ходе допроса. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС РФ) от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», а также предшествовавшего ему ППВС РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 с аналогичным названием, «Отказ ... от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности ... виновности и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность» [21]. Таким образом, при должном разъяснении вышеуказанного положения судом либо должностным лицом, ведущим предварительное расследование, можно избежать ненужных нагромождений ложных показаний, требующих опровержения.

В целях уточнения вопроса, какое решение примут люди имеющие право воспользоваться свидетельским иммунитетом, нами было проведено анкетирование граждан, не имеющих прямого отношения к уголовному судопроизводству. В опросе приняли участие 400 человек, проживающих на территории Московской и Смоленской областей. Респондентам сначала предлагалось ответить на вопрос о том, как они поступят в случае допроса в качестве свидетеля по обвинению их родственника или супруга, с которым у опрашиваемого хорошие отношения, и ему известны действительно важные в рамках расследования обстоятельства. При этом вопрос был полузакрытого типа: выбор из четырех вариантов, и пятый (открытый) ответ в виде своего варианта. Ответы распределились следующим образом:

- принципиально будут говорить правду, так как родственник(ца) совершил(а) преступление – 22,5 % опрошенных;
- будут говорить правду из боязни быть привлеченным к ответственности за ложь – 33 % опрошенных;
- не будут говорить правду, несмотря на ответственность, (в том числе путем уверения в том, что не помнят обстоятельства), по причине того, что преступник – близкий человек – такой ответ выбрали 17 % опрошенных;
- не будут говорить правду (в том числе путем уверения в том, что не помнят обстоятельства), по причине принципиального отношения к полиции и суду – 5 % опрошенных;
- поступят иным образом – такой ответ дали 22,5 % опрошенных; однако необходимо отметить, что 57,8 % из них (13 % из числа всех опрошенных) указали на то, что им известно содержание статьи 51 Конституции РФ.

Распределение ответов на вопрос о свидетельстве против родственника

Made with Napkin

Создано при помощи «Napkin AI»

Далее анкетированным предлагалось ответить на второй блок вопросов (располагаемый на оборотной стороне листа), в ходе которого им напоминалось о том, что они имеют право не свидетельствовать против себя и близких родственников или супруга. После такого напоминания повторно задавался вопрос об их действиях в ранее рассмотренной ситуации, но с учетом того, что вышеуказанное право им будет разъяснено. Вопрос также был полужакрытого типа: выбор из четырех вариантов, и пятый (открытый) ответ в виде своего варианта. В этом случае были получены следующие ответы:

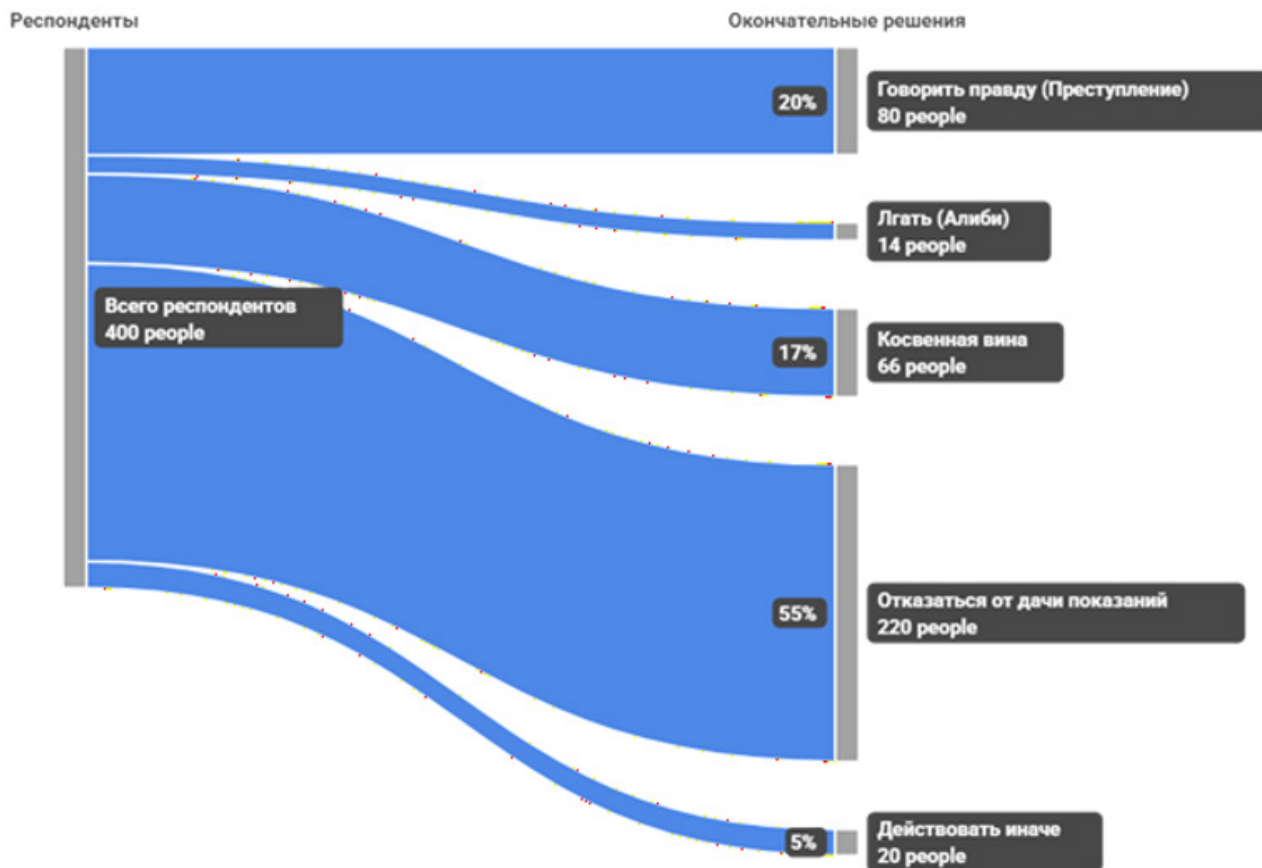
- принципиально будут говорить правду, так как родственник(ца) совершил(а) преступление – 20 % опрошенных. Стоит заметить, что 77,5 % из данного числа (15,5 % из всех опрошенных) давали такой же ответ в первом блоке. Также была установлена примечательная особенность: 72,5 % (14,5 % из числа всех опрошенных) – лица, моложе 21 года, что, с учетом небольшого жизненного опыта, может вызывать неполное понимание всей серьезности привлечения лица к уголовной ответственности. Соответственно, возникает достаточно обоснованное сомнение, что в реальной ситуации данные люди действительно поведут себя таким образом.
- не будут пользоваться данным правом, предпочтут солгать, в том числе, придумав родственнику(це) алиби, так как считают, что это более эффективный способ «отма-

зать» от ответственности – такой ответ выбрали 3,5 % опрошенных.

- не будут пользоваться данным правом, так как считают, что этим косвенно подтвердят вину родственника (супруга(и): процент людей, ответивших таким образом оказался неожиданно высок – 16,5 %. Это подтверждает ранее высказанную мысль о бытующем в общественном сознании мнении о том, что отказ от дачи показаний означает автоматическое признание своей либо чужой вины. Из этого следует сделать вывод о необходимости лицу, проводящему расследование либо судебное разбирательство не только разъяснить положения свидетельского иммунитета, но и растолковать, что пользование правом отказа от дачи показаний не влечет за собой автоматического признания вины, ни самого допрашиваемого, ни того, кого касаются его показания.
- откажутся давать показания, воспользовавшись данным правом, – 55 % опрошенных. Достаточно убедительный результат, свидетельствующий о том, что весьма значительная часть людей предпочтет не свидетельствовать вовсе, чем лгать.
- поступят иным образом – 5 % опрошенных. Среди данных ответов преобладали варианты, в которых гражданин планировал проконсультироваться с юристом (адвокатом), а также те, в которых указывал, что не знает, как поступит.

Результаты опроса по иммунитету свидетелей

Значительное большинство респондентов (55%) воспользовались своим правом отказаться от дачи показаний после информирования об иммунитете свидетеля.

Создано при помощи «Napkin AI»

Результаты исследования убедительно доказывают, что в случае доходчивого разъяснения положений свидетельского иммунитета, люди гораздо охотнее будут молчать, чем выдумывать небылицы, на опровержение которых будут растрачиваться ресурсы суда и органов, ведущих предварительное расследование.

Хочется отметить, что в рамках рассмотрения проблем лжесвидетельства в уголовном судопроизводстве также присутствует достаточно дискуссионный в настоящее время вопрос: имеет ли право подозреваемый (обвиняемый) давать заведомо ложные показания или необходимо привлекать его к ответственности за подобные правонарушения. И.В. Смолькова достаточно четко обозначала свою позицию по данному аспекту, выступая против применения мер ответственности к указанным лицам за такого рода деяния, мотивируя это среди прочего тем, что «угроза применения наказания в этой ситуации может быть использована в качестве способа

давления на обвиняемого с целью заставить его давать «нужные» показания.» [11, с. 80]. При всем уважении к словам авторитетнейшего деятеля науки позволим себе частично не согласиться с высказанным мнением, поскольку, как было рассмотрено нами ранее, у подозреваемого (обвиняемого) есть законная возможность не давать никакие показания, что вполне согласуется с его правом выбора средств и способов защиты. А дача заведомо ложных показаний, особенно связанных с оговором других людей уже, в свою очередь, затрагивает права и свободы третьих лиц, что не является верным ни с моральной, ни с юридической точки зрения. В связи с этим предполагается поставить вопрос о необходимости разъяснения подозреваемому (обвиняемому) не только право на отказ от дачи показаний, но и то, что подобный отказ не несёт последствий в виде автоматического признания вины. Данный предмет обсуждения требует дальнейших исследований.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема лжесвидетельства в уголовном судопроизводстве в настоящее время актуальна и остается остро дискуссионной. Имеется насущная необходимость выработать ряд четких и конкретных мер по качественному, а не формальному противодействию данному негативному явлению. И поскольку, как нами ранее доказано, свидетельский иммунитет при его полноценном и правильном применении может служить профилактической мерой снижения количества заведомо ложных показаний, необходимо тщательно проработать положения данного института с целью совершенствования действующего законодательства и юридической практики.

Список литературы:

- [1] Медведев Е.В. Социальная сущность лжи и ее правовая оценка // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2(2). С. 115–117.
- [2] Карпова Е.А., Кукулите Т.Г. Анализ вариативности проявления лжи в социальных взаимодействиях // Социология и право. 2022. Т. 14. № 4. С. 408–416.
- [3] Никитина Е.В. Взаимосвязь образа ситуации лжи с поведением личности (на примере представителей социномического типа профессий): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. 24 с.
- [4] Медведев И.Р. Некоторые аспекты приемы сторон, свидетелей и экспертов в гражданском процессе: опыт США // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 44–47.
- [5] Уакиев В.С. Диалектика правды и неправды в процессе изучения военной истории // Гуманитарный вестник ВА РВОН. 2019. № 2(15). С. 62–75.
- [6] Григорьев В.Н., Дикарев В.Г. Об установлении истины по уголовному делу // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2016. № 1 (37). С. 32–36.
- [7] Григорьев В.Н. Профессор Н.С. Алексеев об истине и цели доказывания по уголовным делам. // «Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность.» Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. Санкт-Петербургский государственный университет. 2015. С. 43–49.
- [8] Победкин А.В. Показания обвиняемого в уголовном процессе: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 24 с.
- [9] Джумаева Р.Х. Истина как главная цель уголовного судопроизводства России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 112–114.
- [10] Псарёва Б.В., Гамаюнова А.В. Социально-психологические и правовые факторы лжи // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №6(104). С. 260–264.
- [11] Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний? // Глагол правосудия. 2016. №1(11). С. 76–81.
- [12] Быканов М. Лжесвидетельство – враг правосудия // Законность. 2006. №5(859). С. 26–27.
- [13] Спектор Л.А. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 284–287.
- [14] Додонов В. Усилить спрос за лжесвидетельство // Законность. 2006. №5(859). С. 27–28.
- [15] Замылин Е.И. Лжесвидетельство в уголовном судопроизводстве России: проблемы остаются // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2(32). С. 115–121.
- [16] Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 315 с.
- [17] Малышев Я.В. Лжесвидетельство: некоторые аспекты уголовно-правовой ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 102–104.
- [18] Подвойский К.В. Криминалистическое исследование происхождения лжи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3(124). С. 133–142.
- [19] Карнеева Л.А. Значение показаний обвиняемого (подсудимого) // Советская юстиция. 1971. № 23. С.15–16.
- [20] Терехин В.А., Захаров В.В. Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия // Наука. Общество. Государство. 2015. № 3(11). С. 1–9.
- [21] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/64775cc017e83233b4b24725792dd1058dba726e/ (дата обращения: 24.12.2025).
- [22] Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. – С. 180.
- [23] «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 24.12.2025).
- [24] Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Россий-

ской Федерации // URL:// <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 24.12.2025).

References:

[1] Medvedev E.V. The social essence of lies and its legal assessment//Vector of science TSU. 2010. № 2(2). S. 115-117.

[2] Karpova E.A., Kukulite T.G. Analysis of the variability of the manifestation of lies in social interactions//Sociology and law. 2022. T. 14. № 4. S. 408-416.

[3] E.V. Nikitina. The relationship between the image of a lie situation and personal behavior (on the example of representatives of the socio-economic type of professions): author's review. dis.... cand. psychol. sciences. Kazan., 2009. 24 pp.

[4] I.R. Medvedev. Some aspects of the oath of the parties, witnesses and experts in civil proceedings: US experience//Arbitration and civil proceedings. 2007. № 6. S. 44-47.

[5] V.S. Uakiev. Dialectics of truth and untruth in the process of studying military history//Humanitarian Bulletin of the VA Strategic Missile Forces. 2019. № 2(15). S. 62-75.

[6] Grigoriev V.N., Dikarev V.G. On establishing the truth in a criminal case//Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. № 1 (37). S. 32-36.

[7] Grigoriev V.N. Professor N.S. Alekseev on the truth and purpose of evidence in criminal cases //” Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity. “ Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev. St. Petersburg State University. 2015. S. 43-49.

[8] Pobedkin A.V. Testimony of the accused in a criminal trial: Abstract dis.... cand. jurid. sciences. M., 1998. 24 pp.

[9] Dzhumaeva R.Kh. Truth as the main goal of criminal proceedings in Russia//Theory and practice of social development. 2014. № 16. S. 112-114.

[10] Psareva B.V., Gamayunova A.V. Socio-psychological and legal factors of lies//News of Altai State University. 2018. №6(104). S. 260-264.

[11] Smolkova I.V. Should the accused bear criminal responsibility for giving knowingly false testimony?//Verb of justice. 2016. №1(11). S. 1

[12] Bykanov M. Perjury is the enemy of justice//Legality. 2006. №5(859). S. 26-27.

[13] Spector L.A. Knowingly false testimony, expert, specialist or incorrect translation as obstruction of justice//Gaps in Russian law. 2009. № 4. PP. 284-287.

[14] Dodonov V. Strengthen the demand for perjury//Legality. 2006. №5(859). S. 27-28.

[15] Zamylin E.I. Perjury in criminal proceedings in Russia: problems remain//Legal science and law enforcement practice. 2015. № 2(32). S. 115-121.

[16] Zaitsev O.A. Theory and practice of witness participation in criminal proceedings: Dis.... cand. jurid. sciences. M., 1993. 315 s.

[17] Malyshev Y.V. Perjury: some aspects of criminal liability//Bulletin of Tomsk State University. 2010. № 330. S. 102-104.

[18] Podvoisky K.V. Forensic study of the origin of lies//Actual problems of Russian law. 2021. № 3(124). S. 133-142.

[19] Karneeva L.A. The meaning of the testimony of the accused (defendant)//Soviet justice. 1971. № 23. S.15-16.

[20] Terekhin V.A., Zakharov V.V. The right to lie in court as a factor in destabilizing justice//Science. Society. State. 2015. № 3(11). S. 1-9.

[21] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 “On the court verdict “//Access from SPS” ConsultantPlus. “ URL ://https://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 207874/64775cc017e83233b4b24725792dd1058d-ba726e/ (accessed: 24.12.2025).

[22] Dictionary of the Russian language: In 4 volumes/RAS, In-t linguistics. studies. - 4th ed., Erased - M.: Rus. language; Polygraphresursy, 1999. VOL. 2. K-O. - S. 180.

[23] “Criminal Code of the RSFSR” (approved by Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960) (ed. From 30.07.1996). Access from SPS “Consultant-Plus.” URL ://https://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 2950/ (accessed: 24.12.2025).

[24] Judicial Statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation//URL :// <https://cdep.ru/?id=79> (date of appeal: 24.12.2025).

